

Книги Леонида Кондратьева и
Владимира Мясоедова в серии
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

**ТОРГОВЕЦ
ЛЕДИ С КЛЫКАМИ**

Книги Леонида Кондратьева

**ОТЫГРЫВАТЬ ЭЛЬФА НЕПРОСТО
ТОВАРИЩ ССЕШЕС**

Книги Владимира Мясоедова

**И ИМЯ МНЕ — ЛЕГИОН
ИСКРЫ ИСТИННОЙ МАГИИ**

Цикл
«НОВЫЕ ЭЛЬФЫ»

**НОВЫЕ ЭЛЬФЫ
РАСТУЩИЙ ЛЕС
МОРЕ СУМЕРЕК**

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ЛЕОНИД КОНДРАТЬЕВ,
ВЛАДИМИР МЯСОЕДОВ

ЛЕДИ С КЛЫКАМИ

РОМАН

Москва, 2012
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К64

Серия основана в 1992 году
Выпуск 767

Художник
В. Бондарь

Кондратьев Л. В., Мясоедов В. М.

К64 Леди с клыками: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 344 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-1162-7

Позвольте представиться — леди Клер Шатраэн Отхильда Дербас Туиллойска, любимая дочурка своего папочки-полугнома, широко известного золотопромышленника и изобретателя, у которой есть все, что требуется девушке из высшего общества, достигшей совершеннолетия. И это прежде всего состояние, которое она унаследует от отца, а также умение метко стрелять из револьвера, подобающее воспитание, способности к темной магии, очень быстро вырастающие при душевных расстройствах клыки, толика гномьей крови плюс враги, доставшиеся по наследству от исчезнувшей в неизвестном направлении мамы...

Перелистывая страницы романов и древних хроник, никогда не знаешь и даже не догадываешься, что и тебя однажды может подхватить мутная волна приключений. И неизвестно еще, какие страшные тайны приоткроются твоему взору. Начать хотя бы с происхождения...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1162-7

© Кондратьев Л. В., Мясоедов В. М., 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

ПРОЛОГ

Первым, что я увидела, открыв глаза, было лицо моего папочки. Пелена густых черных волос чуть колышется, как будто в ее глубине течет какая-то своя, неизвестная внешнему миру жизнь. Из буйной, но незатейливой прически выбивается только кривой, хищно загнутый книзу, широкий, похожий на клюв, мясистый нос. А над ним, мерцая среди спутанных прядей, — темные глаза; солнце отбрасывает на них багряные отблески, создавая иллюзию какого-то демонического огня.

— Опять ты в своей маске. — Слова сорвались с губ раньше, чем я успела подумать. — Скоро уже и забуду, как ты без нее-то выглядишь.

Папа виновато шмыгнул носом, издав звук, больше приличествующий клацанью ружейного затвора, и снял свои темные очки. Затем немного подумал и попробовал расчесать пальцами свои свисающие со лба настоящим водопадом лохмы. В косматую бороду, придающую не занавешенной волосами части лица схожесть с клубком шерсти, лезть не стал. За шестьдесят четыре года своей жизни родитель уже усвоил, что без слесарных инструментов, ну или, на худой конец, очень прочного гребня пытаться спорить с наглой растительностью бесполезно. Особой привлекательности, впрочем, ему это не прибавило. Гномы, они вообще как-то не слишком гламурны, причем все поголовно. И то, что у отца крови подгорного народа в жилах течет только половина, особой роли не играет. Пошел-то он в папу, известного и удачливого золотодобытчика, сколотившего на приiske, существовавшем в наших краях лет семьдесят назад,

весьма немаленькое состояние, а не в маму, умную и расчетливую трактирщицу, которая как-то пообещала своему наиболее регулярному клиенту скидку на пиво, если он на ней женится.

Не знаю уж, шутила бабушка в тот момент или нет, но дедушка оценил ее статью, весьма выдающуюся, если верить прижизненным портретам. Вспомнил, что стоявшая перед ним женщина являлась на две недели пути в любую сторону единственным источником пенного напитка, столь милого детям камня, и тут же сделал ей предложение руки и сердца.

Говорят, свадебная гулянка по своим последствиям напояла набег переевших мухоморов горных троллей. Хотя несколько представителей этого племени в общем-то на торжестве тоже присутствовали, но не могли же они всего четвером завалить две шахты, снести ратушу, затопить полицейский участок (и это посреди зимы-то!) и водрузить на центральной площади поселка золотодобытчиков ледяную статую практически голой эльфийки верхом на драконе! Причем этот полумифический ящер с пригнутой к самой земле шеей был явно сделан в натуральную величину. Достаточно сказать, что девушка, изваянная из розового льда, удобно устроилась на его голове, бесстыдно свесив ноги по бокам морды, и являла взглядам собравшихся полный минимализм в своей одежде, причем в районе, скажем так, зоны бикини. Ну это если не считать одеждой символический листок меллорна на самом интересном месте. На бюсте и того не было, между прочим. Я это точно знаю, видела фотографии скульптуры с разных ракурсов. Они и сами по себе достаточно ценны, как-никак одни из первых со времен Древних, а уж вместе с изображенным на них бесстыдством так и вовсе уникальны. Впрочем, сей памятник, гм, культуры можно и в натуральном виде посмотреть, если не лень съездить в землю вечного льда, куда впечатленные силой искусства тролли уволокли его с наступлением весны. Чтобы не растаял. Между прочим, целым кланом тащили, почти сотня мохнатых рыл. До сих пор ведутся жаркие спо-

ры насчет того, кто именно ту скульптуру создал, как и, самое главное, с кого ваяли...

— Клер, дочка, ты как?

Папа, видимо, сильно обеспокоился моим продолжительным молчанием. Странно. Обычно проявлений не только отцовской, но даже хоть какой-то заботы от него не дождешься. С тех пор как мне минуло десять лет, он практически полностью спихнул все проблемы, связанные с подрастающим потомством, на нанятых учителей и гувернанток, а сам почти все время проводит в своем кабинете, совмещенном с кузней и лабораторией. Чего уж он там делает, не признается, но выходит оттуда редко, а вот копии с разных древних фолиантов ему туда курьеры привозят часто. И каждый из них стоит столько, что кому-нибудь победнее потраченной на редкую книгу суммы хватило бы лет на пять обеспеченной жизни. А ведь и правда, чего это я? Обычно такие долгие приступы раздумий и воспоминаний мне не свойственны. Всегда предпочитала действие. Но в теле какая-то слабость и мысли путаются... Неужели напилась? Папа меня прибьет. Ну выпорот точно, не посмотрит, что девятнадцать лет скоро. Если бы не его человеческая половина, то он мог бы в музее экспонатом работать. Единственный в мире гном, который запрещает своему потомству пить все, что крепче воды.

За крохотную рюмку вина, выпитую на выпускном вечере в школе, устроил трехчасовую головомойку, лишил карманных денег на два месяца и еще полгода дулся, нехорошо косился и даже обнюхивал в профилактических целях.

— Все нормально... — Попытка приподняться провалилась, потолок спальни нашего особняка (теперь хотя бы понятно, где я) завертелся перед глазами. Руки, ноги, шея, а особенно почему-то пальцы вдруг вспомнили о своем существовании и заныли все разом, а зубы вдруг застучали, едва не прикусив мгновенно язык, который вдруг начал упорно сигнализировать, что его засунули в песок, причем весьма сильно нагретый. — О-о-ой, как-то мне нехорошо-о-о... все ломит... и во рту такая сухость...

У отца, чье лицо все еще висело надо мной, всем своим

видом выражая тревогу и заботу, волосы дыбом встали. Не вру. Его густая черная грива, в которой удар сабли увязнет, отчетливо зашевелилась, а от лица, прокопченного солнцем, ветром, жаром горна и пламенем алхимических горелок, отхлынула, как показалось, вся кровь.

— Пей! — В губы мне больно ткнулось горлышко какой-то фляжки. — Пей! Пей, дочка, пей! Ради всего святого, не сплевывай, пей!

Я послушалась. Папа хоть и со странностями, но плохо не посоветует. Любит он дочурку, правда, как-то странно, на свой лад, но в обиду никому не даст. Когда была маленькой и на меня напала собака соседа, какого-то там аристократа из самой столицы, переехавшего в нашу глухомань из-за последствий провалившейся интриги, он забил его насмерть стамеской, невзирая на то что противник пытался отмахиваться шпагой. Что с песиком стало — говорят, вообще страшно взглянуть было, я сама не помню... Потом отца чуть не засудили, но деньги нашей семьи и угроза нанять ассасинов, которые быстро бы повывели всех родственничков того идиота, что пускает боевого гоблинода гулять без ошейника по улице, помогли. Тьфу, какой ужасный вкус крови на языке, он мне что, половину десен снес, что ли? Лишь глотке на пятом сообразила, что для разбитой губы концентрация что-то чересчур насыщенная. Создавалось полное впечатление, что я, будто полуполюгендарный вампир, присосалась к чьей-то шее.

— Какого демона?! — Гнев, как обычно, придал мне сил, и потолок мгновенно перестал вертеться, как танцовщица, исполняющая перед мужчинами нескромный танец, а боль в теле ретировалась куда-то далеко-далеко. Фляжка полетела в одну сторону, пятная ковер и простыни темно-красным, почти черным содержимым, а бултыхающаяся во рту жидкость была выплюнута в другую, а отец, хоть его не задело ни первым, ни вторым, буквально отлетел куда-то к дверям и еще в полете наставил на меня чудовищных размеров мушкет. Причем пальцы его на спусковом крючке ощутимо дрожали.

— Ты что делаешь, он же заряжен! — Даже с кровати

было видно, что полочка с порохом отнюдь не пуста. И примитивность даже не пулевого механизма, устаревшего на добрую сотню лет и исправно служившего еще деду в его нелегком и опасном деле золотодобытчика, ничуть не помешала бы этому осадному орудию — а по-другому калибр в два кулака, причем полноценных гномьих, назвать и нельзя — разнести мою сильную, но легкую тушку на множество мелких кусочков, которые потом даже с помощью некромантии нельзя будет сложить воедино.

— Клер? — Голос отца дрожал, чего с ним не бывало даже в моменты, когда он, куря трубку, работал с динамитом.

— Да? — Я зачарованно следила за дулом мушкета, куда при некотором старании, возможно, сумела бы пропихнуть и голову. В пять лет у меня это, кстати, получилось, правда, я с тех пор несколько подросла, но, кажется, древнее ружье тоже увеличилось. Сейчас оно казалось мне даже больше, чем новенькая гарнизонная пушка, завезенная в прошлом месяце в нашу глухомань напрямиком из Форт-Дланша, кузнечной и оружейной, а также магической и политической столицы государства.

— Твое полное имя, — потребовал отец.

— Пап, ты чего? — попыталась я слезть с кровати и выйти из-под прицела оружия, но его ствол качнулся следом.

— Дочка, я не шучу. — Мой, как видно, окончательно сошедший с ума родитель уперся своими по-гномски широкими плечами в створки двери, которая и десяток-другой ударов тараном спокойно выдержала бы, и почти плача произнес: — Скажи, как тебя зовут, полное имя, Клер, ну пожалуйста, не заставляй меня этого делать, я не хочу-у-у...

Под конец он почти сбился на визг. Истеричный психопат с ружьем — это страшно. Даже если ты его знаешь всю свою жизнь. Гнев, застилавший все вокруг кровавой пеленой, куда-то испарился. Да и не умею я долго злиться, если честно. Всегда, как и в этот раз, быстро вспыхивала и быстро отходила.

— Клер Шатраэн Отхильда Дербас Туиллойска. — От перепуга вспомнился мой родовой, унаследованный от подгорного дедушки титул, свидетельствующий о принадлеж-

ности к клану. В документах-то значится просто: «Клер Дербас, уроженка города Ольна, по рождению цеховик, способности к магии воды, разума и тьмы выше среднего».

— Правильно. — Ствол мушкета опустился чуть-чуть, буквально на волосок. — А как меня зовут?

Если он забыл свое имя, то его можно будет объявить недееспособным и сдать в какой-нибудь приют? Я больше не рискну оставаться наедине с человеком, ну, то есть полугомом, который имеет восемь патентов по минно-взрывному и оружейному делу. Он ведь и ночной горшок взорвать сможет, не побрезгует выделить из отходов собственной жизнедеятельности селитру, а вазу еще и подпилит в нужных местах для лучшего разлета осколков. Да и потом быть богатой, хочу заметить, очень богатой наследницей куда лучше, чем невинной жертвой сошедшего с ума ученого.

— Грем Дербас, — с готовностью напомнила ему я. — От кланового имени ты отрекся, когда тебя в хирд вписать отказались из расистских соображений. Зря, кстати, своим гномы везде скидку дают, пусть небольшую, но все же.

— Тоже правильно, — констатировал отец и опустил мушкет на пол, отодвинув дуло в сторону стены. — Я тогда был сильно обижен и о финансовой стороне вопроса как-то не подумал. Что ж... Значит, память сохранилась... Ну, последняя проверка.

Он сделал ко мне пять шагов, приблизившись практически вплотную, после чего рванул воротник своей прожженной в доброй дюжине мест рабочей кожаной куртки и, с некоторым трудом сдвинув в сторону бороду, обнажил не слишком-то чистую и поросшую короткими темными волосами шею.

— Кусай, — потребовал папа, тяжело вздохнув и даже зажмурив глаза.

Я знаю, что родителей бить нехорошо. Особенно если ты выше их на голову. Но когда они явно повредились рассудком, то, думаю, можно. В профилактических целях.

Удар рукой в подбородок, как учил в детстве нанятый отцом же эльф-тренер по рукопашному бою, затем ногой в колени, и, как завершение, на валяющееся на пол тело полете-

ла сдернутая с кровати простыня. Вязать узлы я умею плохо, но ради такого дела пришлось постараться.

— Не волнуйся, папа, тебя обязательно вылечат, — пообещала ему я, силясь потуже затянуть узел и стараясь не слушать доносящиеся снизу стоны. Часть простыни я накинула ему на голову и потрудила зафиксировать там. Задохнуться не задохнется, а вот видеть станет намного хуже, а значит, и бросаться на что попало не станет. — Магистр Кирелли знаешь какой хороший специалист в магии разума? Он почти архимаг и меня, между прочим, считает перспективной ученицей! Будь уверен, легкое безумие он убирает так же просто, как ты снимаешь ржавчину с металла. Раз — и готово. И это совсем не больно, ты даже не почувствуешь ничего.

— Клер, — донесся приглушенный голос отца из-под импровизированного капюшона. — Развяжи меня! Я все объясню!

— Конечно, папочка. — С сумасшедшими лучше не спорить, это любой дурак знает. С ними нужно соглашаться и немедленно звать целителя. Чем меньше ростков успеет в душе пустить безумие, тем легче его оттуда будет выковырять.

Решив наконец, что получившуюся из простыни конструкцию быстро не развязать и не порвать даже полугному, я шагнула к мушкету и разрядила его. На пол посыпались комочки какого-то белого металла, исполнявшие роль пуль. Невольно заинтересовавшись — ну а как вы хотели, вырасти в доме оружейника и не заполучить любовь к стреляющим игрушкам невозможно, — подняла один из них и поднесла к глазам, после чего поняла, что магистр может и не справиться. Родной отец собирался охотиться на свою дочь с серебром, словно она нежить какая. Да еще не простым, если я что-то понимаю в артефактной магии — а я понимаю, спасибо колледжу волшебства, куда меня отдал отец сразу после окончания общеобразовательной школы, — то передо мной самый что ни на есть самородный металл, которому его форму придали холодным способом, то есть без огня, чтобы сохранить максимум природных свойств. Хорошо хоть папа огнемета не взял, а ведь у него есть, и даже не один, только в подвале штуки три разобранными лежит,

да еще на чердаке парочка в относительно целом состоянии пылится. Было у него время, когда увлекался технической пироманией, лет двенадцать назад. Помню, какие фейерверки он в детстве для меня делал... А потом прекратил и стал нелюдимым затворником, которого даже родная и прежде любимая дочь видела только по праздникам.

— Ой, как все запущенно, — невольно вырвалось у меня. — Ну ладно, завелись у тебя в черепушке тараканы, и пошел с этой исторической древностью на родную дочь, но серебряную картечь-то зачем зарядил?!

— Потому что ты дамфир, — глухо отозвались из-под простыни.

— Что? — сначала я даже не поняла фразу.

— Ты дамфир, — повторил отец. — Твоя мать, могущественная ведьма, с которой я крутил роман, подбросившая тебя в двухлетнем возрасте к дверям моего дома, была вампиром. А ты наша дочь. Наполовину дитя ночи, наполовину простая смертная. Наделенные чудовищной силой, природными способностями к магии крови и тьмы, иммунитетом к солнечному свету и бессмертием, такие дети были редки, но сведения о них в исторических хрониках имеются. И сегодня... то есть уже вчера, ты прошла вторую инициацию из девяти возможных. Посмотри в зеркало.

Я глянула чисто машинально и ничего нового в общем-то не увидела. Отражение высокой девушки с темными, как вороново крыло, волосами и тонкими точеными чертами лица никуда и не думало исчезать. Острый маленький носик, высокие скулы, чуть-чуть больше чем надо бы вытянутый подбородок и самая капелька бледных, едва заметных веснушек, которые меня совсем не портят. Вот, правда, прическа... Космы во все стороны торчат... Потянувшись пригладить волосы, я пораженно замерла, осознав, что что-то тут не так. Отличие от привычного облика отыскалось не сразу, но уж когда я поняла, что не так... Глаза! Мои чудесные карие глаза сменились двумя зелеными буркалами с вертикальным зрачком!

Почему-то я сразу поверила, что папа не сошел с ума и даже не шутит.

ГЛАВА 1

Дверь, ведущую в спальню, мы открывали долго. Когда мне было десять... да, десять, точно, отец с чего-то взялся за кардинальную переделку всех замков, засовов, запоров и прочих ограждающих устройств в доме. Теперь открыть их даже с нужной стороны было несколько... утомительно. На это, правда, тогда никто не обратил особого внимания. Гномы, ну пусть полугномы, механикой увлекаются, как люди вином, и запои кипучей деятельности у них бывают регулярно. А то, что он сразу после этого почти перестал разговаривать с дочерью, вряд ли кто-то успел заметить. Слуги у нас всегда подбирались не из болтливых и долго не задерживались. Конечно, удовольствие дорогое, но отец, самый богатый житель нашего маленького городка, мог его себе позволить. И теперь я, кажется, понимаю, зачем ему это было надо.

— Ну наконец-то, — обрадовалась я, когда последний хитрый механизм, клацая своим нутром, заставил засов в руку толщиной убраться в предназначенный для него паз и дверь наконец-то стало возможным открыть хотя бы изнутри. — Какого демона?!

Прямо передо мной стоял небольшой штабель ящиков с динамитом, причем запальные фитили верхних шашек сходились в одном месте, являвшем собой какой-то непонятный, но явно техномагический гибрид, где большой черный кристалл ограненного обсидиана соседствовал с кремниевым замком и какими-то ленточками, пружинами, передаточными цепями.

— Прости, Клер, — тяжело вздохнул из-за спины отец, — но я не мог дать выбраться из нашего дома безумному дам-

пиру. Вот и принял меры... В случае моей смерти эти фитили воспламенились бы, и от нашего дома не осталось бы даже развалин. Пойми, если бы ты сошла с ума, то вырезала бы весь город, а может, и не только его!

— Ты рискнул довериться техномагии?! — У меня аж волосы от страха зашевелились, и на то, чтобы отвернуться от взрывчатки и взглянуть в глаза папочке, потребовалось все мое мужество. Даже не думала, что его у меня столько. — Да ты с ума сошел!

Лучше бы я этого не делала. Отец уселся прямо на пол и стал старательно стаскивать с левой ноги сапог. А под ним кроме портянки, которую давно надо было постирать, так выбросить, оказалась лента эльфийского шелка с нанесенными на нее магическими рунами жизни и кусочком все того же черного обсидиана, излюбленного материала повелителей мертвых. Кошмар! Кто же смешивает изделия перворожденных с некромантией?! Они же не сработают! Или того хуже! Сработают, подняв, к демонам, на воздух наш особняк и, пожалуй, половину близлежащего квартала, так как папочка явно переусердствовал с динамитом!

— Ты зачем связался с техномагией, — оказывается, я умею шипеть не хуже рассерженной гадюки, только куда громче, — она же в половине случаев работает совсем не так, как должна! И, ради всего святого, как можно использовать эльфийскую магическую каллиграфию стихии жизни совместно с обсидианом?! Может, куда проще было бы просто вонзить мне в сердце осиновый колышек и не мучиться?! То, что эта бомба до сих пор не взорвалась, самое настоящее чудо, не иначе, зря я, дура, в богов не верила!

Отец удивился и начал отвязывать от ноги шелковый детонатор, чем едва не довел меня до разрыва сердца.

— Это стандартная армейская связка для устройств самоуничтожения курьеров, переносящих важные донесения, — ответил он. — Я, конечно, во всех этих чарах не силен, механик все-таки, но уж собрать блочную схему по имеющемуся чертежу в состоянии. Конечно, полностью технологическое устройство было бы надежней, но я так и не смог придумать, как же его соорудить так, чтобы можно было

обойтись хотя бы без одного помощника. Поскольку доверить твою тайну никому не рискнул, пришлось воспользоваться техномагией! А что, тут что-то не так? Я нарушил какое-то условие производства и не провел нужного ритуала?

Вместо ответа я сорвала с динамита взрывоопасную хреновину и в сердцах запулила ее в стену. Устройство вспыхнуло ярким пламенем раньше, чем успело в нее врезаться. Или отец все-таки отвязал от ноги свое сочетание несочетаемого, и артефакт, перестав улавливать жизнь своего носителя, решил, что тот умер, или просто ненадежная конструкция не стала ждать сигнала и самоуничтожилась от легкого толчка, когда моя рука отрывала ее от фитилей. Точно пойду в храм и пожертвую богам самую большую свечку, которую там найду.

— Упс, — рука папочки скользнула куда-то под бороду и, судя по звукам, принялась затачивать там ногти о напильник, — недоработочка...

То, что горы еще стоят, — это не заслуга гномов, соблюдающих технику безопасности. Просто эти коротышки, обожающие возиться с техникой, еще не сумели открыть рецепт достаточно мощной взрывчатки.

— Больше сюрпризов, которые вот-вот взорвутся, нет? — Чего мне стоило не добавить в этот вопрос пару дюжин... или пару десятков дюжин ругательств, это просто уму непостижимо. Если такие усилия над собой придется делать слишком часто, карьера святой мне обеспечена.

— Завешание, которое должны вскрыть через три дня после сегодняшнего, если я его раньше у нотариуса лично не заберу, — задумчиво протянул папочка. — Но оно, наверное, может подождать. Ах да, еще у меня в кабинете на горелке немного каменной соли второй день на медленном огне плавится.

Если когда-нибудь гном попытается стать темным властелином, у него в дневнике запись «завоевать мир» будет соседствовать с «вынести мусор». Тут динамита хватит для горнорудных работ маленькой шахтерской компании, причем техномагические детонаторы, брр, в комплекте и готовы сработать, а у него эксперимент в разгаре! Хм... а навер-

ное, такой повелитель зла имеет неплохие шансы на успех, в сказках-то они всегда на мелочах прогорают. Подгорный житель, пусть даже полукровка, никогда и ни за что ни об одной даже самой незначительной детали не забудет, причем все лично проконтролирует. Конечно, зато он может составить бредовый и абсолютно невыполнимый план, но претворяться в жизнь он будет с небывалой надежностью и с полным соблюдением процесса.

— Тогда рассказывай, — я покосилась в хорошо отполированную поверхность деревянного шкафа, вполне способную заменить зеркало, — что же я такое. И кстати, где слуги? Они уже должны были набежать всей толпой на тот тарарам.

— Я всех разогнал, — вздохнул отец и медленно пошел по коридору в сторону гостиной, где стояло несколько весьма удобных кресел. Маленькой я любила устраиваться у него на коленях, когда он сидел в одном из них и рассказывал мне сказки. А потом я выросла, и в один ужасный день поведение папочки кардинально поменялось. — Когда тебя принесли, всю окровавленную и еле дышащую, я сразу понял, что ты проходишь вторую инициацию, и озабочился тем, чтобы на территории дома не было посторонних, которые могли бы стать лишними жертвами. Прости меня за мушкет и взрывчатку, Клер, но я должен был так поступить.

Пришлось следовать за ним. Раз уж у нас сегодня день откровений, то стоит наконец поговорить с отцом по душам. Нельзя сказать, что раньше я не пыталась этого сделать, но он просто разворачивался и уходил, чтобы запереться в своем кабинете, откуда выходил в лучшем случае лишь на следующий день.

— Откуда принесли и почему окровавленную? — Мой вопрос догнал его уже садящимся в кресло, волей-неволей пришлось устраиваться в соседнее. — Ничего такого не помню. А вообще, какой сегодня день, что-то у меня голова все еще как в тумане... и... я что, правда дамфир?

— Пожалуй, надо рассказать по порядку, — вздохнул отец и, достав из кармана трубку, стал набивать ее табаком. — Так понятнее будет. Ты знаешь, кто твоя мать?

— Какая-то ведьма. — Этот вопрос перестал меня интересовать с той поры, когда маленькая семилетняя девочка поняла, что ее просто бросили как ненужную ношу, спихнув на шею отцу, который о ее существовании даже не знал, пока к его двери не подбросили корзинку с двухгодовалым ребенком. — Она вроде бы приезжала из академии Форт-Дланша, потому как ты в молодости был готов на рискованные эксперименты и согласился делать для желающих остовы некрокадавров. Восстановить утраченное знание не получилось, зато получилось сделать меня. Потом у нее начались проблемы с законом, и она исчезла.

— В общем верно, — вздохнул отец. — Мне в молодости было крайне обидно, что все мое состояние заработано твоим дедом, а не собственными руками, и очень хотелось прославить свое имя. Когда родители погибли, попав под обвал в шахте, которую собирались приобрести, я, после траура, оказался обладателем громадной кучи денег и еще большего количества свободного времени. Но ратная стезя не нравилась, новых месторождений благородных металлов, вызывавших золотую лихорадку, не открывали, а изобретателю, увы, нужны долгие годы экспериментов, и не факт, что они принесут что-то полезное. Когда я краем уха услышал, что какая-то волшебница из столичной академии волшебства ищет мастера, согласного сделать для ее ручной нежити механические улучшения, то ухватился за представившуюся возможность обеими руками, ведь даже такая дурная слава лучше безвестности. Хеня Микрай, так она себя называла. Никто не знал, кто она и откуда, просто одним прекрасным днем эта молодая, но могущественная ведьма пришла в Форт-Дланш и без особых усилий смогла получить место преподавателя некромантии. Стоило мне написать всего одно письмо, и спустя неделю твоя мать уже постучалась в дверь нашего дома. Ты знаешь, я по росту ближе к людям, чем к гномам, а тогда еще и бородой-то не зарос, только усы и имелись. В общем, красавцем не красавцем, а симпатичным точно был. А она... знаешь, никого похожего на нее я раньше не встречал и лишь спустя очень много лет понял почему. Высокая, стройная, с завораживающей гра-

цией, больше подошедшей бы большой хищной кошке, чем человеку. Если бы не круглые уши, я бы решил, что передо мной эльфийка. У тебя ее черные волосы и большие, прекрасные карие глаза... Не сейчас, конечно, а в обычное время. К тому же мы были уверены в собственной гениальности, полны энтузиазма и энергии. Нет ничего удивительного в том, что спустя примерно полмесяца после начала работ пара желающих прославиться начинающих ученых стала ночевать в одной постели. Наш роман был мимолетным, но ярким, как пламя костра, куда подбросили порох. Я вмонтировал в трех ее зомби, которых Хеня привезла с собой в специальной телеге, обложенных магическим льдом, подкожную броню и пружины, которые должны были усиливать удары их рук и ног, а моя любимая как-то сумела сделать так, что мускулы кадавров могли работать, несколько не мешая механизмам. Едва дождавшись окончания работ, она помчалась в столицу, чтобы получить заслуженное звание мастера магии за возрождение частички древних знаний... а там ее попытались арестовать. До сих пор корю себя, что не поехал тогда вместе с ней, но наступила годовщина смерти родителей, и я не мог не задержаться, чтобы воздать почести их памяти, посетив могилы.

— За что? — удивилась я. Этот момент в тех сведениях, что я когда-то давно собирала о матери, как-то отсутствовал.

— Ее эксперименты признали аморальными, — вздохнул отец. — Но я так думаю, это был просто повод, что дал бы государству наложить лапу на перспективного мага-исследователя и ее разработки. Ну сама посуди, если подъем мертвецов разрешен, равно как и их эксплуатация на особо опасных для живых производствах, то что плохого в их усилении? Впрочем, возможно, я не все знаю... неважно. В общем, Хеня, когда ее на въезде в столицу окружила стража, сдаваться не пожелала. Наши улучшенные зомби разорвали два десятка солдат, а она убила то ли трех, то ли четырех магов, которые обеспечивали им поддержку, и скрылась в неизвестном направлении.

— А как же ты? — спросила я. — Тебе ничего не было за участие в ее опытах?

— Да что я, — фыркнул отец. — Я же не волшебник, я механик. Сама знаешь, нас властители до сих пор считают чем-то вроде мелких колдунов-артефакторов. Прошел сначала как мелкий подручный, а после и вовсе переквалифицировался в свидетеля, поскольку не стеснялся дать следователям на лапу и, по мнению магов-ищеек, быть крупной рыбой просто не мог.

Я медленно кивнула. Это было правдой. Темные Времена, наступившие после окончания Эпохи Смерти, когда все живые были поработаны ордами нежити, что однажды схватилась сама с собой и сгнула в пламени магической войны, породили в качестве главенствующего строя абсолютно всех государств магократию в той или иной форме. Где-то власть передавалась по наследству, где-то выбирали самого достойного из нескольких кандидатов, но всегда на престол и хоть сколько-нибудь значимые посты всходили чародеи. И это было логично. Почти бессмертные волшебники, прожившие как минимум несколько столетий, были самыми опытными правителями, на голову превосходящими своих краткоживущих коллег, а до изобретения пороха являлись одновременно и основной ударной силой любой армии. Конечно, сейчас, когда все больший вес набирает наука, их преимущества весьма сильно сократились, но... Если на поле брани со школой магов мог на равных, а то даже и с некоторым отрывом конкурировать артиллерийский батальон, то вот в мирной жизни альтернативы бытовым чарам, лечащим, дающим высокие урожаи и управляющим погодой, не было и в ближайшее время не предвидится.

— Ну выпотрошили жандармы мою лабораторию и забрали чертежи, — продолжал рассказывать папочка, — что, думаешь, у меня копий не сохранилось? Да если бы Хеня вернулась, хоть армию живых мертвецов в почти неуязвимые конструкторы перековал бы... Я, не дожидаясь ее визита, нанял лучших юристов, и они смешали тех, кто посмел выдвинуть против нее обвинения, с землей. Клер, можешь потом поднять официальные бумаги, пять чиновников военного министерства, которых их руководители сделали крайними в гибели людей за отсутствием основной виновницы,

отправились на каторгу, а мои адвокаты провели все ее действия как самозащиту. О невинности мастера магии — желанный ей титул оказалось так просто купить — Хенеи Микрай было объявлено глашатаями во всех крупных городах страны, и я был уверен, что ее возвращение лишь дело времени. Но она так и не пришла, хотя я ждал ее. Только почти через три года одним весенним утром служанка притащила мне в кабинет корзину с громко орущим младенцем. К ней прилагалась записка, в которой моя возлюбленная утверждала, что ребенок — наша дочь. Ты. И больше ничего. Ни имени, ни даты рождения, ни слова о том, где сейчас находится сама прекрасная ведьма. Я нанял лучших магов и убедился, что это действительно так, в нас течет одна кровь, после чего официально удочерил тебя и назначил наследницей.

— Ну незнание, под какими звездами я родилась, сильно осложняет постижение ритуальной магии, — задумчиво сказала я, осмысливая услышанное. — Мой день рождения — это дата, когда подбросили корзину, да? Теперь понятно, почему было столько неудач... Зато стало ясно, откуда имеются такие способности к волшебству... Но ты ни слова не сказал о том, почему я являюсь вампиром. Эта Хенея оказалась кровососом? Или... вампир — ты?!

Если подумать, это объясняло многие странности в поведении отца... секундочку, но ведь оно стало таким через много лет после моего рождения! Или мама вернулась еще раз и укусила папочку?

— Нет-нет, — поспешно уверил меня отец. — Я обычный полугном. Вернее, очень богатый полугном, ставший, хотелось бы верить, не самым плохим изобретателем. А вот Хенея... я... я не знаю. Она никогда не говорила о своем прошлом, а ты... ты совершенно точно не человек, не гном, не эльф и даже не смесь этих рас в любой возможной пропорции.

— Как так? Объясни! — Мое требование вызвало у папочки настоящий шквал эмоций. Он вскочил с кресла и принялся расхаживать из стороны в сторону туда-сюда, дымя трубкой, как паровой котел.

— Барон Кертольф и его гоблинодав, — наконец сказал он. — Ты помнишь их?

— Смутно, — созналась я. — Мне тогда было десять лет, и я очень испугалась, когда эта псина напала на меня. Хорошо, что ты ее вовремя убил. Говорят, эта порода может на равных сражаться с обученным воином, если он, конечно, не закован в латный доспех. Ее вроде бы вывели специально, чтобы избавить леса Локийских болот от гоблинов, которые там кишмя кишат, или же хотя бы ограничить их агрессию по отношению к людям.

— Да, — кивнул отец, — все верно. Несмотря на то что эти зеленокожие коротышки не достигают и пояса нормального человека, они очень опасны, дьявольски ловки, небывало сильны для своих крохотных размеров и, что самое худшее, обладают пусть примитивным, но разумом. А гоблинодавы, как понятно, предназначены для охоты на них. Вот только того пса, напавшего на тебя во время нашей прогулки, я на самом деле не убивал, равно как и его хозяина. Просто не успел. Их загрызла ты. Хорошо, что рядом не было свидетелей, и я взял всю вину на себя.

— Не смешно, — разозлилась я, подавшись с кресла вперед так, чтобы приблизить свое лицо к папочке. — Собак этой породы хоббиты могут вместо лошадей использовать! И некоторые гномы — тоже!

Отец замер и осторожно сделал два шага назад, прижавшись к стене.

— Не нервничай, — попросил он меня. — И, Клер, перестань, пожалуйста, скалиться, твои клыки меня нервируют.

Клыки? Клыки! Какие еще, к демонам, клыки?! Но стоило языком пощупать свои зубы, как я убедилась в его правоте. Две пары отличных, длинных, острых и наверняка снежно-белых, как на картинках из страшных сказок, клыков стали украшением моего рта.

Каждая уважающая себя молодая леди имеет право хоть раз в жизни устроить настоящую истерику, тем более что повод у меня был просто великолепный. Но крайне испуганные глаза отца сработали намного лучше «капель королевы Велгельмины», пользующихся просто громадным спросом у

жителей нашего городка, особенно в разгар осеннего сплина, и приносящих доход нашему единственному аптекарю. Во всяком случае, тетушка Нельдис, монументальной красоты женщина, потребляла эти капли просто-таки в пугающих объемах. Шепотки об изрядной доле троллей крови, унаследованной женой мэра от своих предков, — так это просто слухи, распускаемые, видимо, для того, чтобы испортить настроение этой милейшей женщине, знаменитой на весь городок своей выпечкой и периодически устраиваемыми мэру скандалами.

Поэтому я всего лишь прислонилась к показавшейся такой надежной и мягкой стене и принялась по ней сползать, конечно же сохраняя приличный вид и стараясь не терять женственность. Обучение, хоть и краткое, в пансионе мадам Жюли все же оставило свои следы, пусть даже они и были сильно сглажены последующим тлетворным влиянием любимого папеньки. Пристрастившего единственную дочь к возне с разной «стреляющей мерзостью» и научившего, на свою голову, паре-тройке просоленных, как хорошая шахтная крепь, гномских выражений, услышь которые та же мадам Жюли выпала бы в нерастворимый творожистый осадок.

Попытка упасть в обморок была засчитана — мозолистые, но такие надежные руки отца подхватили меня, и, к моему большому смущению, я, как в детстве, неожиданно для себя ухватила его за шею и разрыдалась, уткнув лицо куда-то в район пропахшего машинным маслом и химикатами воротника.

ГЛАВА 2

Закрыв на всякий случай глаза, я толкнула дверь храма и переступила порог. Ничего. Впрочем, как и ожидалось. Одним из преимуществ дампиров, помимо способности наплеватьски относиться к дневному свету, если верить прочитанным в папином кабинете книгам, было полное наплевательство к святой магии. Ну если, конечно, ею не был пропитан меч паладина, который и без всяких благослове-

ний попавший под него живой или не очень живой организм разрубит с легкостью.

Жрец, стоявший перед стеллажом, на котором было искусно изображено восходящее солнце, скосил в мою сторону глаза, но оторваться от священнодействия не посмел. В полутьме небольшого помещения мягко светящиеся искусственные лучи на стеклянной мозаике притягивали глаз. Никакой магии, просто контраст красок и умело подобранное сочетание светлых и темных тонов. Первые были использованы для неба, светила и людей, вторые — для рассыпающихся во прах личей и вампиров, соотношение которых с простыми смертными было примерно один к одному. Парадоксально, но хотя точно известны причины гибели всей нежити и даже есть главный подозреваемый в освобождении живых от власти мертвых, но конец Эпохи Смерти упорно приписывают вмешательству богов. Не понимаю, но спорить с верующими себе дороже. А уж спрашивать у них, почему в таком случае небожители вообще допустили порабощение Древних и ждали долгие столетия, если не тысячелетия, чтобы вмешаться, — хороший способ затеять драку.

Люди до сих пор не могли сказать, как получилось так, что творения некромантии загнали весь остальной мир себе под пяту. О временах, которые были до того, как всех живых разогнали по охраняемым закланиями и тварями резервациям, создав, по сути, фермы, где на убой выращивались представители всех рас, даже сказок толковых не осталось. Слишком давно это было. Слишком хорошо прежние хозяева уничтожили все следы того, что было до них. Нам неизвестно, что было вначале, и даже события конца были записаны лишь спустя столетия после самой катастрофы, упокоившей все немертвое. Отец, которому при воспитании молодой дампирки решительно не хватало общеизвестной информации, собрал о произошедшем тогда все возможные сведения и дал мне ознакомиться с ними. Впрочем, перечитывать штук двадцать книг я не стала, ограничившись небольшой статьей какого-то Эллергреэля, написанной лет сорок назад, в которой неведомый эльф-исто-

рик сделал на основании работы всей своей жизни краткий обзор случившегося в те далекие годы.

В Эпоху Смерти власть принадлежала мертвецам. Но они не были тупыми кровожадными тварями, как любят их рисовать в сказках. Нет, это были расчетливые и умные монстры, создавшие свою пусть извращенную, но цивилизацию. Они не допускали в своем обществе стагнации и застоя, непрерывно развивались, совершенствовались в магии и науках. Артефакты, оставшиеся от них, заставляют наших ученых и магов только разводиться руками. Ну не понимает в большинстве своем никто, чего это такое и как оно работает, если, конечно, еще не сломалось от времени. В общем, существовали эти твари в свое удовольствие. А также жрали людей. Ну или эльфов, гномов, троллей и так далее, в соответствии с личными предпочтениями и вроде бы даже специально разработанными диетами.

Численность их колебалась в соответствии со строгими законами и не должна была превышать определенного соотношения между едоками и пищей. Для урегулирования споров были широко распространены дуэли. Единичные и массовые. С оружием и магией. Естественно, щадить своих противников, пусть даже таких же мертвецов, нежить не собиралась. Простые кражи и убийства... Нет, пожалуй, все-таки упокаивания тоже имели место, но наказание за них предусматривалось крайне суровое. Вместо погибших по тем или иным причинам немертвые принимали в свои ряды неофитов. Маленькая часть живых, как правило из числа дальних потомков мертвых, существовала не на правах скота, а являлась эдаким резервом, из которого самые умные, одаренные или же просто везучие пополняли ряды господ. Они владели началами магии, в не слишком больших, правда, пределах, и с самого рождения готовились к смерти и последующему существованию. Некромантов, не прошедших к началу старения сложных испытаний за право обрести бессмертие, но успевших оставить потомство от наложниц, как правило весьма многочисленных, банально сжирали, поскольку родственная кровь является практически идеальным вариантом для большинства ритуалов тем-

ной магии и, как следствие, даровала тварям немалое могущество.

К аристократии нежити, полностью наделенной разумом и свободой воли, относились вампиры и личи. Первых было много, вторые отличались исключительным могуществом. Это и послужило поводом к междоусобному конфликту, в котором и сгинули твари. Большинство кандидатов в нежить хотели сохранить для себя все прелести жизни, вроде возможности постельных развлечений или возможности чувствовать вкус пищи, пусть даже основу ее неизменно составляла кровь. Становиться же просто мертвым остовом, обретающим благодаря силе смерти почти всемогущество, желали только те, у кого иного выбора не оставалось. Молодые кровососы уступали мертвым колдунам во всем. Первые несколько сотен лет они даже на солнце не могли показываться, в то время как любой лич, сразу после того как перемещал душу в филиктерий, переставал бояться всего на свете, за исключением угрозы разбить артефакт, от целостности которого зависело его существование. Правда, с течением времени вампиры несколько уравнились в большинстве возможностей со своими оппонентами. И тысячелетнее дитя ночи обрело некоторые шансы выйти победителем в битве с мертвым магом, постигавшим смерть десять веков.

Однажды случилось так, что мертвые устроили междоусобную войну. Фактически не войну даже, а серию дуэлей. Три клана вампиров, решивших расширить свои владения и увеличить количество имеющихся в их распоряжении резерваций с «пищей»? насело на обветшавший род личей и стало выбивать всех его представителей одного за другим, пусть и с немалыми потерями. В полном соответствии с законами, разумеется, как иначе. За этим тщательно следили независимые арбитры, готовясь покарать тех, кто попытается сделать хоть шаг в сторону от выверенного временем канона. И последний из мертвых колдунов по имени Окелтеймер, осознавший, что его филиктерий вот-вот разобьют, а прапраправнуков просто съедят какие-то ну совсем посторонние клыкастые уроды, решил унести всех

врагов с собой в могилу, откуда те уже не встанут. Он, воспользовавшись форой, которую дал ему выигрыш в последней дуэли, до начала следующей разработал проклятие чумы крови. И применил его в своем последнем бою, самостоятельно лишившись посмертного существования, но уходя в небытие с уверенностью, что обескураженные добровольной гибелью противника вампиры обязательно прочтут в его дневнике, какая ужасная участь их ожидает. Кровососы действительно записи мага внимательно изучили. И не поверили им. До первого заболевшего. Который появился лишь спустя десять лет.

Окелтеймер был безусловно гением. Он смог создать мор, который поражал не живых, но мертвых. Причем только вампиров. И проявлял себя лишь через несколько лет, когда больной успевал передать чуму крови такому количеству сородичей... Клыкастые повелители мира медленно сгнивали, не в силах справиться с изошренными чарами окончательно умершего лича. Сначала начинала шелушиться и облазить кожа, потом, спустя примерно недели две, она шла пятнами и расплзалась дурно пахнущей слизью, отпадая от костей. Кровососы отличались изрядной живучестью, причем, чем старше они были, тем сложнее им было отправиться на тот свет. Некоторые могли сохранять свое существование пару-тройку дней даже в виде кричащей от боли и ужаса лужи слизи. Попытки лечения не помогали. Все мертвые колдуны как один, клыкастые и нет, расписывались в собственном бессилии. Возможно, будь у нежити более крепкие нервы, они справились бы с напастью. Но монстры, привыкшие безнаказанно отбирать чужие жизни и уверенные в том, что будут жить вечно, впали в ужас при виде близкой и неотвратимой кончины. Неизвестно, какой именно вампир первым напал на лича, отбросив в сторону правила дуэлей, но его примеру последовали практически все остальные сородичи, нашедшие виновников происходящих с ними ужасных метаморфоз. Мертвых колдунов просто смяли числом и разбили все их филактерии до единого. А затем, спустя пару месяцев, все клыкастые победи-

тели окончили свое существование. Исцелить их оказалось некому.

Низшая нежить, охранявшая границы резерваций с «кормом», недолго смогла существовать без своих повелителей и спустя десятилетие-другое просто развалилась на куски. Выжившие в хаосе катастрофы, когда умирающие вампиры, впад в кровавое безумие, уничтожали все, что под руку подвернется, некроманты оказались недостаточно подготовлены, чтобы взять власть в свои руки. Люди, эльфы, гномы и прочие народы долго еще не осмеливались выбираться из своих резерваций и выполняли правила, установленные теперь уже окончательно мертвыми хозяевами. Но никто больше не сокращал их поголовье, и им стало тесно в своих границах. Пришлось расширяться. И пугливые слухи о том, что мир снова принадлежит живым, оказались правдой.

Естественно, не какой-то там свихнувшийся лич, а боги, жрецы которых немедленно появились как из ниоткуда, оказались «виновны» в избавлении от ига мертвецов. Они обладали силой. Святой силой, которая прекрасно помогала бороться с оставшимися тварями, все еще бродящими кое-где по земле, и немногочисленными живыми магами смерти. Последние, кто поумнее, быстро снимали с себя фамильную символику и маскировались под чародеев-самоучек без особого, впрочем, труда. Ибо мертвые не учили живых мало-мальски сложным чарам, и если те пытались проявлять инициативу, то просто сжирали чересчур самостоятельных волшебников. А потому в те времена магия начала возрождаться практически с полного нуля, и до высот, которыми, судя по косвенным свидетельствам, владели Древние, мы дойдем еще очень не скоро. Если вообще дойдем. Служители храмов, постепенно набирающие мощь и силу, на чародеев смотрят неодобрительно. И лишь народная память, в которой сохранился опыт поколений, словно воспоминание о тех временах, когда боги со своими слугами просто-напросто отсутствовали, оставив смертных на растерзание тварям, сдерживает их стремление избавиться от чародеев и ведьм.

Планируя поход в храм, я специально подгадала момент

так, чтобы попасть именно на службу. Очень хотелось убедиться в почерпнутых из копий древних фолиантов знаниях. И найти несоответствие между описанными там признаками и своим собственным телом. Но, увы, моя последняя надежда на то, что в жилах дочки полугнома и таинственной ведьмы может плескаться капелька демонической крови, на которую можно было бы списать все произошедшие изменения, превратилась в прах. Тифлинги в нашем мире были редкостью. Гигантской. Но время от времени попадались. Вампиры, а также малочисленная прослойка живых некромантов в Эпоху Смерти считали престижным держать дома наложниц-суккубов. Последние, бывало, делали им детей, обладавших неплохими задатками к темной магии и некоторыми индивидуальными внешними отличиями от простых смертных. Исчезли немертвые кровопийцы и их живые слуги, но их потомки все еще нет-нет да «радовали» родителей рожками, хвостиками, клычками и иными деталями, обычным людям и эльфам в общем-то несвойственными. Раньше их убивали на месте, зачастую вместе с папами и мамами, но последние лет триста накал страстей по отношению к магам смерти спал. Люди стали готовы терпеть некромантию и тех, кто ее практикует. В столице ей даже учат. У меня тоже есть к ней некоторые способности, правда неразвитые. В нашей глухомани и наставники по магии воды и разума нашлись-то с трудом.

Так что слушать заунывные песнопения священника, тембр голоса которого роднил его с неким парнокопытным с бородкой, меня заставляла не глубокая религиозность и уж тем более не страсть к музыке. Получив зачатки, как я считаю, неплохого музыкального образования в пансионе мадам Жюли, слушать без слез то, что выдается за священные гимны, просто невозможно. Буквально все сольное выступление козлоподобного жреца в просторных ниспадающих одеждах, оттопыриваемых довольно заметным пузом, мне приходилось с огромным трудом сдерживать накатывающую на меня волнами зевоту. И контролировать правую руку, которая сама по себе ползла к папенькиному подарку.

Папенька у меня, несмотря на часть человеческой крови, по сути своего характера все-таки стопроцентный гном. Поэтому и подарки у него соответствующие. Ожидать от него набора румян или шляпки с пером стрижа — они только-только вошли в столичную моду, о чем говорили дошедшие до нашего захолустья с более чем месячным опозданием журналы, — просто нереально. Так что шляпку и отороченную мехом амазонку мне пришлось покупать самой. Без смеха вспомнить тот случай, когда отец, еще в моем глубоком детстве, пытался сам подобрать мне фасон платья, лично я не могу. В нашем городе есть даже целых пять дамских портных, не считая белошвеек. И как можно догадаться, папа вместе с любимой дочуркой заглянул в гости к самому уважаемому. Вот спрашивается, как же угораздило нашу экономку Фани заболеть именно в этот момент? Ну а отцу соответственно втемяшилось заказать дочурке на день рождения платьице. Так я еще никогда не смеялась.

Элефиаль лек Бри, как сразу видно по имени, эльфийский полукровка, наверное, до конца жизни не сможет забыть папулины требования к платью «маленькой принцессы». До сих пор мы с ним периодически обмениваемся взглядами настоящих заговорщиков и многозначительно раскланиваемся при встрече. Нет, не в том смысле, что этот полуэльф был бы в моем вкусе. Хотя, разменявший уже одиннадцатый десяток, затянутый в матово-черный фрак с всегда кристально белой сорочкой и шейным платком из шелка скальных пауков непередаваемого серебряного оттенка, он был просто неотразим для стареющих вдовушек, конечно же когда вылезал из своего салона на белый свет, что бывало крайне редко.

Ну так вот, папино требование к фасону, особенно касающееся корсета из стальных пластин толщиной в одну десятую дюйма и накладных кармашков из толстой виверновой кожи, запомнилось полуэльфу на всю оставшуюся жизнь. Так что после этого случая к папиным подаркам я отношусь крайне осторожно. Правда, от подаренного на совершеннолетие до сих пор в полном восторге. Вороненая прелесть весом всего в три четверти фунта, покрытая тон-

чайшей гравировкой из эльфийских древесных рун, как влитая лежала в моей ладонке. Новомодный «дамский» двадцать второй калибр, придуманный парочкой свихнувшихся на огнестрельном оружии эльфов, был, конечно, крайне несерьезен, на взгляд папы, но благодаря практически отсутствующей отдаче подходил для молодой девушки лучше всего. Поэтому в свою «Амели», а именно так звали модель восьмизарядного револьвера одинарного действия производства «Сэйлери&Валиэль», я просто влюбилась. А уж после того как под чутким руководством отца моя красотка получила механизм двойного действия и увеличенный на два дюйма ствол — молодая леди обрела свое постоянное место у меня под подушкой. Хотя отец как истинный гном до сих пор сватает мне двуствольный дерринджер совершенно сумасшедшего калибра в три четверти дюйма, от своей малышки я не откажусь ни за что на свете, даже за предлагаемые папенькой в комплекте с ним очаровательные перчаточки из шелка кристаллических пауков.

Так уж исторически сложилось, еще с тех самых пор, когда власть нежити только-только закончилась, что выйти в общество безоружным является просто-таки неприличным, хотя в последнее время появилась тенденция ко всяческой маскировке оружия — начиная от однозарядных капсюльных пистолетов в трости или потайного лезвия в веере. Так что моя прелесть, уютно расположившаяся в расшитой серебром кобуре на левом бедре, буквально сама собой манила прохладой своей рукояти. Особенно в разрезе той мысли, что бляение этого святоши раздражало меня все больше и больше, а пузико — по-другому назвать этот провисший, явно не благородный гномий пивной, а выпирающий из-под хламиды какой-то дряблый животик было просто нельзя — просто-таки просило хоть пару пулек из моей красотки. Может быть, после этого интонации бляения сменятся, и священник наконец-то обретет музыкальный слух — хотя бы для услаждения моих ушей своими воплями.

Вот у папы благородное гномье пузо — налитое мышцами и тугое как барабан. Как выражаются сами гномы: «Не пиво для пуза, а пузо для пива!» Поэтому в гномьей среде

новомодные эльфийские фраки и не прижились, папа, да и все мои знакомые гномы предпочитают кафтаны, так как гном во фраке по меньшей мере смешон. А этот святоша мало того что покрыт складками, так еще, скорее всего, за всю свою жизнь ни разу не занимался хоть каким-либо физическим трудом. В него даже стрелять, наверное, противно, хотя и хочется.

Как представляю, что после попадания пусть и маленькой, но зато довольно быстрой безоболочечной свинцовой пули моей малышки из него может брызнуть вот все это сало, становится крайне противно. «Хоть и *невместно* молодой леди о таком думать» — любимая присказка мадам Жюли вспомнилась как будто бы сама собой. «Насекомое, доставляющее неудобство благородной леди, должно быть стерто с лица земли» — эта фраза из уст управляющей пансионом тоже пришла мне на ум и заставила появиться на моем лице легкую улыбку, которой, и в особенности очаровательными ямочками на немного покрасневших щечках, так восторгается мой папа и большинство встреченных мной молодых джентльменов.

Жрец затянул последние рулады своей молитвы, прославляющей всех четырех богов: Оссета, бога света, Орона, бога процветания и богатства, Лаэру, богиню плодородия, и Кестета, судью мертвых. Ни при произнесении имен небожителей, ни при легком неестественно-белом свечении витража, показывающем, что молитва услышана, в моем организме не дрогнула ни одна жилка. Значит, я точно не тифлинг. Те на святую магию, пусть она и направлена не на них, а просто есть поблизости, реагирует негативно. Не в прах рассыпаются конечно же, но приступы мигрени или там нервной почесухи бывают у них обязательно.

— Чего тебе, дитя? — Слуга богов, наверняка жаждущий пожертвований, с окончанием своего священнодействия развернулся к посетительнице так быстро, как только смог. Ну еще бы! Дочка самого богатого жителя города не та персона, приход которой можно проигнорировать, если на храме еще нет золотой крыши с алмазной инкрустацией.

— Свечку пришла поставить, — хмыкнула я, вспомнив

об обещании, которое сама себе давала совсем недавно. — Самую большую, что есть. В благодарность богам за помощь при взрывотехнических работах.

Через полчаса, кое-как отбившись от нравоучительной лекции о том, как боги любят чад своих и как лично он, настоятель данного храма, поминает вот так буквально ежедневно в своих молитвах все население нашего городка, я вырвалась из душной, наполненной запахами благовоний церкви, с облегчением вдохнула полной грудью (настолько, насколько позволил новенький корсет из виверновой кости) внезапно показавшийся таким сладким воздух и направилась в сторону дома, тщательно обходя лужи и разбросанные тут и там по мостовой конские кучки. Все же мэр хоть и хороший, для человека конечно же, хозяйственник, но муниципальные дворники, следящие за чистотой улиц в нашем городе, поразительно ленивы. По-моему, или мэр все-таки экономит на чистоте, или в городе завелось просто нереальное количество гужевого транспорта.

По пути домой как-то само собой «заглянулось» в шляпный магазинчик, кондитерскую и оружейный магазин братьев Керманов из клана Рыжебородов. У этих вполне себе приличных гномов обычно можно было найти в продаже все, включая осадную мортиру. Впрочем, немного привираю, что для девушки простительно, — мортиру придется заказывать за совершенно чудовищные деньги и минимум за полгода. И вообще я заглядывала к ним не за этой громыхалкой калибра «чтоб гном влез», а за заказанными на прошлой неделе накладками на рукоять моей «Амели» и коробочкой усиленных патронов с полуоболочечными экспансивными пулями. Для воскресной стрельбы по воронам, да и для путешествия они намного лучше, чем со свинцовой безоболочечной пулей. Те хотя и осалены, но после второго-третьего барабана так засвинцовывают ствол, что его приходится чистить медным ершиком, чтобы освободить нарезы. Хотя папа и утверждает, что всему виной моя любовь к большим навескам бездымного пороха и, мол, поэтому пули просто слетают с нарезов. Фигушки. Просто этот старый консерватор не понимает всей прелести пере-

менной нарезки, да и оболочечные и полуоболочечные пули благодаря большей прочности замечательно себя чувствуют. Во всяком случае, такого разлета и плевков свинцом, как у безоболочечных (правда, при моей любимой усиленной навеске), не наблюдается.

Отдав пару серебрушек радушно встретившим меня братьям и получив не только свой заказ, но и еще сопровождение в виде мальчонки-курьера, получившего наказ сопроводить молодую барышню и моментально подхватившего мои покупки, я через некоторое время все же дошла до ворот поместья.

— Доброе утро, леди, — поприветствовал меня садовник, убирающий листву с такой неповторимо медленной грацией, словно у него впереди была вечность. А ведь он, между прочим, был никак не эльфом, а обычным человеком, и даже совсем не пожилым, которому подобный черепаший темп можно было бы простить. Непорядок.

— Если будешь так работать, зима наступит раньше, чем закончишь, шевелись быстрее! — прикрикнула на него я. — И вообще, что ты тут делаешь? Отец же вроде бы дал всем слугам выходной на три дня.

— Да? — удивился садовник и, распрямившись, уставился на меня широко раскрытыми глазами. — Ой, правда, а я и забыл... Но раз уж начал, не останавливаться же на середине, правда, леди?

И продолжил свое занятие, причем, кажется, двигаясь еще медленней, чем раньше. Но теперь требовать от него правильного выполнения работы было как-то... неловко. Выходной все же.

— Ну как? — Отец ждал меня буквально на пороге и распахнул дверь едва ли не раньше, чем я успела позвонить в новомодный электрический звонок, который папе подарили на членском собрании изобретателей и цеховиков нашего города. То есть, проще говоря, тех, кто занимается технологией, а не магией.

— Ничего, — покачала головой я.

— Так и знал, — тяжело вздохнул он, закрывая за мной дверь. — Да... Ты совсем взрослой стала. Эх, как я надеял-

ся, что не пройдешь второй инициации, ведь тогда бы ты осталась простой смертной, и у меня были бы внуки...

— Ну какие мои годы, — беззаботно отмахнулась рукой я. Дети... мысль о том, что они у меня могут быть в ближайшее время, выглядела еще большей фантастикой, чем явление клыкастой мамочки прямо из-под земли. — Успею еще.

— Нет, — покачал головой отец. — Клер, чем ты меня слушала? У чистокровных вампиров дети бывают. Редко. Очень. Далеко не каждый тысячелетний кровосос мог похвастаться хотя бы одним ребенком от смертного партнера. Но их потомки всегда рождались бесплодными.

ГЛАВА 3

И знаете, что было утром? Утром мой обожаемый отец, неспешно прихлебывая утренний... назовем это чаем, наконец-то соизволил вспомнить о такой буквально не заслуживающей моего внимание информации, как получение письма из столичной академии. Правда, мило?! После вчерашнего! Вот только этого не хватало! Чего мне стоило не прибить дражайшего папу на месте — просто нельзя было передать словами. Во всяком случае, причисление к лику святых мне не грозило только из-за моей любви к оружию и крайне запутанного, как выяснилось, происхождения. Вдобавок он уже умудрился посеять конверт у себя в мастерской и пару раз прожечь его то ли кислотой, то ли брызгами металла. Хорошо хоть текст, за исключением нескольких лакун, был вроде бы удобочитаем. Иначе — грр!!!

Вот в чем явно проявляются гномские корни моего отца, так это в полном спокойствии, которое накатывает на него после пары кружек подгорного темного, кое он по извечной традиции, оставшейся еще с бурной юности, потягивает по утрам. Доказывая при этом, что молодой леди это, мол, «невместно», полностью сходясь при этом во мнении с нашим дворецким Рональдом. Вдобавок каждый уважающий себя гном или имеющий хорошую долю гномьей крови полукровка отличается просто парадоксальным отсутствием страха к уже известным и опознанным вещам. Ну ди-

намит, ну горный обвал — так известные и понятные вещи, чего дергаться-то? Ну оказалось, что дочка наполовину вампир, на четверть гном и на четверть человек, — ну и что с того, чего дергаться-то?

Так что, с удовольствием сдвув белоснежную шапку пены, в ответ на мое рычание, как-то само собой вырвавшееся из моего горла, отец только развел свои мозолистые руки, не выпуская при этом выточенную из цельной хрустальной друзы пивную кружку весом в оголовок хорошей кувалды, и виновато пробасил:

— Дочь, ну ты сама помнишь, на каких я вчера был нервах, ну не до письма было!

Тут я с ним согласилась. Оказавшись наедине с дампитром, который вполне способен сойти с ума, можно забыть не то что о письме — о необходимости бежать подальше или достать оружие. И то лица с некрепкими нервами не факт, что вспомнить смогут. Да, как ни грустно это признавать, но дорогая мамочка, чтоб ей икалось, была кровосоской.

Вчера, после того как тихая истерика кончилась, спустя всего полчаса тренировок, я сумела вернуться к человеческому облику. И еще спустя час снова научилась отращать себе клыки, зеленые глаза и, как оказалось, очень длинные когти, но почему-то не только на руках, но и на ногах. Любимые туфельки ими чуть не порвала. Ощущения при этом были... странные. Несвойственные человеческому организму детали жутко чесались и росли не молниеносно, а довольно медленно: чтобы полностью принять вид того, что отец назвал «боевой трансформацией», оказалось, нужно не меньше пяти минут. И раз полугнумы-механики такими способностями не обладают, то они передались от мамочки. Которая была вампиром. А скорее всего, и до сих пор есть.

Отец мне вчера поведал о том, что у старых вампиров имеется особая способность, так называемый вечный сон. Они могут впасть в промежуточное состояние между своей нежизнью и обычной смертью и лежать подобно тривиальному, но очень-очень медленно гниющему трупу столетиями, а то и тысячелетиями. Была в Эпоху Смерти парочка кро-

вососов, которые таким образом от смертных врагов еще во времена Древних спрятались, а потом очнулись уже на земле, где властвовали мертвые. С началом чумы крови некоторые попробовали спастись так, и они действительно не умерли... тогда. А сошли спустя пару дней после пробуждения, ведь болезнь уже поразила их тела. Была в истории пара случаев, когда археологи вскрывали их крипты и были сожраны, а пришедшие на их поиски находили характерную лужу слизи. Иногда еще живую. Ну то есть мертвую.

Вероятно, Хеня Микрай, или как там ее на самом деле, поступила таким же образом, вот только она каким-то чудом умудрилась остаться неподверженной магическому мору. Может, просто раньше его начала спать легла, по каким-то своим причинам. А когда проснулась, заразить ее оказалось банально некому. Возраст мамочки папа определить затруднился. Где-то между полутысячей и тысячей. Прямой свет она выдерживала без малейших последствий, но сильно не любила. Папа, немного поотнекивавшись, сознался, что она первый раз потащила его в койку после того, как он три дня подряд пытался повести ее на прогулку. Днем.

— Но как мне теперь туда ехать, пап? — спросила я у отца. — Я же... ну же... ну ты понял, да?

— Спокойно, — махнул рукой богатый полугном. — Я все учел. Современные маги, как выяснилось, вампира не опознают, даже если он вместе с ними работать полгода будет, а дампира-то и в Эпоху Смерти отличить от человека не каждый лич мог. Потому их, кстати, тогда столько и было, несмотря на громадную редкость ситуации, когда у смертного и кровопийцы рождался ребенок, — очень уж убийцы из них получались хорошие. Почти идеальные. Пока ты росла, я собирал сведения о вампирах и артефакты, оставшиеся от них же. У меня есть все, что тебе нужно. — С этими словами хозяйственный папочка извлек откуда-то из глубин своего камзола совершенно очаровательный кулончик в виде маленького дракончика, сжимающего искрящуюся на солнце небольшую рубиновую капельку, на мой не избалованный драгоценностями взгляд, примерно полкарата, почему-то бриллиантовой огранки. Причем не ор-

динарной (хотя использовать именно бриллиантовую огранку для рубина — это в большинстве случаев загубить камень), а судя по фасетам и площадке, королевской, на сто сорок четыре грани. Конечно, игра камня при таком странном выборе огранки сильно пострадала, но сам факт столь сложной обработки такой миленькой прелести интриговал и сильно повышал ее ценность просто из-за вложенного неведомым, хоть и дурным ювелиром труда. Причем, судя по перехлесту фасет, это, скорее всего, был гном.

— Ну и что это? — заинтересованно подалась вперед я, мысленно уже примеривая вещицу к своей шее. Ну не на себя же отец ее надевать будет, верно? Любовницы у него нет, а периодически навещаемым «дамам» из борделя (о наличии которого в нашем городе приличная девушка вроде как и догадываться не должна) однозначно жирно будет.

— Безумие крови! — торжественно провозгласил отец. — Артефакт вампиров, сделанный в Эпоху Смерти!

Надевать побрякушку как-то сразу расхотелось. Да и вообще к украшениям я почти равнодушна, это же не оружие.

— Ну и зачем оно мне? — Кажется, скепсиса в голосе хватило бы, чтобы отравить озеро приличных размеров.

— Ну эта вещица помогает контролировать Жажду, — поведал отец. — Увидел его у одного коллекционера пять лет назад и... купил. Задорого.

То, что он врет, было видно сразу. Родной дочери во всяком случае.

— Отлично, — вздохнула я. — Ты хочешь подарить мне ворованную висюльку. Меня с ней на шее хоть стража не схватит?

— Ну изначально это была заколка, мне пришлось немало потрудиться, чтобы переделать ее, не затронув основы артефакта, в кулон, — сознался папочка и осекся. — Кле-эр... это что, ты мои мысли читаешь?

Как он с таким неумением лгать не разорился еще? Наверное, богам тайком много жертвует. Очень много. Таковую удачу задешево не пошлют.

— Нет, догадалась просто, — отмела его предположения я. Телепатия была пока не по моим способностям в магии

разума. Чужие эмоции и то, бывает, между собой путаю. — Ты лучше скажи, что в нем полезного.

— Ну, — отец полюбовался игрой света на гранях камня, — такие вещи вампиры надевали на молодняк, который еще не мог контролировать свою Жажду, на раненых, у которых инстинкты самосохранения, требующие выпить ближайшего живого независимо от тела, нередко даже находившегося в бессознательном состоянии, работали и во время особо сложных ритуалов жертвоприношений, когда от большого количества крови вокруг у них в прямом смысле слова рассудок терялся. Пока он будет у тебя на шее, ты будешь полностью себя контролировать, невзирая на полученные раны, травмы, усталость и прочие причины обострения Жажды, а значит, можешь не бояться случайно загрызть кого-нибудь.

Вот обрадовал, называется. А значит, без артефакта я уже могу на первого встречного с гастрономическими целями кинуться, да? Хотя... наверное, могу. Клыки-то есть. Вернее, могут вырасти. Самой Жажды я, правда, пока еще не чувствовала ни разу, но, судя по книгам, с дампирами такое бывает. Мы можем годами не пить крови. А потом высушить первого встречного.

— Еще у меня для тебя есть Фляга крови, — продолжал отец. — В ней она не испортится даже за сотню лет и храниться будет куда больше, чем может показаться на первый взгляд. Ну ты ее видела и даже пила из нее. Дорогая, зараза, но я ее все-таки купил. Именно купил, не смотри на меня так. Есть в столице места, где подобными вещичками через третьи руки незаконные археологи торгуют.

Это та, которую он мне в зубы совал сразу после пробуждения, что ли? А что значит «куда больше, чем может показаться на первый взгляд»? Неужели...

— Это что, артефакт со свернутым пространством? — с недоверием уточнила я.

— Угу, — явно довольный собой, кивнул папа. — Настоящая редкость, правда?

Я только и смогла сделать, что кивнуть. Подобные вещицы даже во времена, когда миром правили вампиры и

личи, были далеко не у каждого. В них можно было носить, не чувствуя веса поклажи, абсолютно все, что удавалось запихнуть в волшебный предмет. Незаменимая вещь для путешественников, военных, ну и конечно же контрабандистов. Вот только, как правило, весьма хрупкая, не переносящая использования на протяжении многих сотен лет. И не воспроизводимая современными магами принципиально. Такие артефакты можно встретить лишь в сокровищницах и арсеналах королевств и крупнейших магических орденов. Ну или у тех, кто ищет следы, оставшиеся после Эпохи Смерти, и грабит могилы с риском нарваться на сторожевое проклятие.

— И как же тебе удалось ее достать? — все еще продолжала сомневаться я. — Нет, денег-то у нас хватит, конечно, и не на такое, но чтобы купить незаметно, так, чтобы даже слухов про подобную вещь не просочилось...

— Неликвид, — пожал плечами папа. — Хоть туда залить и четыре бочки можно, но горлышко-то узкое, туда, кроме жидкостей, ничего не влезет. Хм... хотя золотой песок еще можно попробовать затолкать, но у нас в стране нет россыпей... Да к тому же многих покупателей отпугивает, что из нее пили кровососы и тот факт, что именно они оттуда пили.

А, ну да. Для обычного человека, эльфа или гнома это должно быть неприятно. А я... ну чего уж там. В общем, любимый отец угодил с подарками. Во всяком случае, теперь вероятность того, что озверевшая от учебы студентка столичной академии (за поступление в которую еще надо заплатить кругленькую сумму более чем в полторы тысячи золотых) не загрызет на сессии какого-нибудь из экзаменаторов, стремится к нулю.

Отставив в сторону тончайшую фарфоровую чашечку с собственноручно, из-за временного отпуска дворецкого, заваренным жасминовым «Фереэль&Ксантос» первого сбора, я устремила в сторону любимого папочки подозрительный взгляд поверх вазочки с пирожными. Уж слишком все вовремя... ненавижу, когда из меня делают дуру, чем любимый родитель сейчас и занимается. Нет, при желании у ме-

ня замечательно получается хлопать ресницами и восхищенно внимать рассказам молодых джентльменов, пытающихся познакомиться с самой престижной невестой нашего города, в кафе или в музыкальных салонах...

На прошлой неделе молодой барон Доусон в салоне мадам Силфии устроил совершенно очаровательную лекцию о принципе работы новейшего парового дилижанса, умудрившись перевернуть абсолютно все, что можно, повеселив меня этим в немалой степени. Нет, это было просто восхитительно. Недавно приехавший из столицы для лечения столь модного в кругах столичных денди сплина, этот юноша очень мило распустил передо мной хвост, пытаясь захватить толику моего внимания и, чем проклятый не шутит, добиться некоей благосклонности. Красив, конечно, шельмец, но если бы он знал, как я не люблю излишне самоуверенных пустословов, озабоченных в большей степени оттенком своего лица и соответствием внешнего вида последней моде, чем реальными делами и достижениями.

Так что пришлось над ним немного посмеяться, уличив его по окончании лекции в полном незнании предмета, о котором он с таким пафосом рассуждал. Видимо, его никто не просветил, что восторженно хлопающая ресничками красотка, расположившаяся поближе к увитой плющом балюстраде, а значит, к прохладному и чистому вечернему воздуху, имеет в отцах не только «самого главного денежного мешка» нашего города, но и по совместительству — довольно известного в кругах Королевского общества естествознания механика и вдобавок полугнома, хоть и отказавшегося от кланового родства. Бедный сэръ Доусон. Выражение его лица стоило испорченной первой половины вечера.

Вот в связи с этими мыслями я смотрю на родного папочку и думаю: неужели он считает меня такой непроходимой дурой? Многодневная подготовка, слуги, отправленные в отпуск, все эти редкие артефакты и совершенно «внезапное» письмо из академии? Да он издевается, что ли?!

— Сознаться, — потребовала я от отца. — Что не так? Где подвох?

— В смысле? — попытался изобразить из себя оскорб-

ленную невинность он. Из гномов плохие актеры во всех случаях, когда дело не касается яростного торга за десяток-другой монет. Из полугномов тоже.

— Ты скопил артефакты, без которых дампирю трудно прожить. Ты купил мне место в столичной академии волшебства, да-да, не отводи глаза, если уж матери умудрился диплом мастера выбить, то зачисление на его фоне кандидки, умеющей хотя бы говорить, вообще незначительной мелочью выгладит. Ты предполагал, что я рано или поздно пройду эту долбаную вторую инициацию. Почему?

Отец тяжело вздохнул и залпом выпил то, что плескалось в его кружке.

— Полтора года назад, — тихо ответил он, — от одного чиновника мне поступило письмо. Я платил ему во время поисков Хенеи за разные услуги. Неофициально, разумеется. Но ничего так и не нашли. Тогда. Зато сейчас... наша доблестная контрразведка, чтоб ее камнями придавило, неожиданно зашевелилась в направлении поисков пропавшей без вести волшебницы, овладевшей тайной создания улучшенной нежити. Очень активно зашевелилась, я бы сказал. Ее видели. Не знаю кто. Не знаю когда. Но совершенно точно знаю где. В нашем городе.

— Она... хотела вернуться? — Слова застряли у меня в горле и наружу пробились с большим трудом.

— Вряд ли, — покачал головой отец. — Хотела бы — вернулась. Я бы открыл ей дверь. Даже теперь, когда достоверно знаю, кто она такая, открыл бы. Да и все байки о том, что вампиры не могут пересечь чужой порог без приглашения, — это просто красивый миф. А чтобы силой не пустить куда-то Хенею, потребовался бы, наверное, кавалерийский эскадрон. Думаю, она приходила посмотреть на тебя, но решила, что еще рано.

— В каком смысле? — чуть-чуть не начала заикаться я.

— Вампиры имеют власть над тем, кого породили, — тяжело вздохнул папа. — Это их природная магия, можно сказать, неотъемлемое свойство. Новообращенные могли любить или ненавидеть подаривших им бессмертие нежити, но послушаться их не могли просто физически. Это даже

не ментальное принуждение, это хуже. Личность полностью осознает себя и находится в здравом уме и твердой памяти, но все указания, даже самые идиотские, выполняет беспрекословно. Высшим вампиром называется тот кровопийца, который смог разорвать подобную связь с породившим его. Дампиры же... дампиры подчиняются своим родителям до тех пор, пока те живы. То есть в идеале вечно. Неспособные предать, беспрестанно приобретающие ценный опыт и имеющие большинство способностей вампиров с минимумом их недостатков. Идеальные слуги, за что их так и ценили в Эпоху Смерти.

Отец еще раз глубоко вздохнул, налили себе новую порцию пива и залпом ее выпил.

— Я... я уверен, — произнес он слегка запинаящимся голосом, — если бы ты не прошла вторую инициацию сама, то Хеня приложила бы в свой следующий визит все усилия к тому, чтобы ты это сделала. И у нее бы получилось, это же так просто... Испуг, боль, да все, что угодно, чтобы вызвать ответную реакцию попавшего в стрессовую ситуацию организма... В общем, с тем, что ты изменишься, я смирился. Давно. И попытался подготовиться. Я... я плохой отец. Я боялся тебя и боялся за тебя. Боялся, что ты сойдешь с ума. И до сих пор побаиваюсь. Но я сделал все, что мог...

От вида понуро повесившего голову отца, отвлекшегося в своей печали даже от недопитого пива, у меня глухо защемило где-то в груди, примерно на том месте, где у каждой благовоспитанной дочери, по мнению мадам Жюли, должно биться нежное и возвышенное сердечко. Кое-как проморгавшись и отогнав непрошеную слезу, чуть ли не показавшуюся на свет, я отставила недопитую чашечку, за которую как за спасательный круг цеплялась все это время, и, тихонько зашелестев оборками юбки, как в детстве, плюхнулась на колени к папе, прижавшись к его широкой и такой надежной груди, обхватив мускулистую шею и спрятав свой шмыгающий от внезапно накативших чувств носик куда-то в район пропахшего крепким табаком и мужским потом воротника рубашки.